

# РАКУРСЫ БЫТИЯ

Независимая газета,  
— 2000. — 29 февр. — с. 7

## Валерий Гергиев смыкает разные музыкальные традиции

Гюляра Садах-заде

**МА**РИИНСКИЙ театр, занятый непрерывной, в три смены, работой над грандиозной постановкой «Войны и мира», премьера которой назначена на 11 марта, тем не менее ухитрился выкроить время для новой музыкально-культурной акции: решив возродить традицию проведения «шереметевских музыкальных вечеров», весьма популярных в Петербурге на рубеже веков, **Валерий Гергиев** объявил о весенней серии симфонических концертов, которые пройдут до 17 марта. Первые три концерта цикла Гергиев взялся провести сам, остальные поручены дирижерам театра **Александру Поляничко** и **Леониду Корчмару**.

Два концерта из заявленного цикла уже состоялись, но самым интересным, информативным и, если можно так выразиться, общественно значимым оказался первый: гвоздем его программы стало новое сочинение **Гии Канчели** STYX. Композитор известен всей стране еще с советских времен своей музыкой к фильмам Данелии («Мимино», «Кин-дза-дза» и множеству других), ценим в театральных кругах за музыку к спектаклям Роберта Стурца (в том числе и к знаменитой «Хануме» в БДТ) и почитаем музыкантами-профессионалами как симфонист, сумевший сказать новое слово.

Гия Канчели приехал на петербургскую премьеру из Антверпена, где он живет с 1995 года. Мирная премьера STYX состоялась в Амстердаме, на фестивале «Гаудеамус» в ноябре прошлого года, российская же — 22 декабря в Москве.

35-минутное сочинение для солирующего альта (играл **Юрий Башмет**, которому оно посвящено), хора (участвовал камерный хор **Николая Корнева**) и оркестра показалось весьма типичным для стиля Канчели. Тон пронзительного лирического высказывания и общая ностальгическая окрашенность музыки в новом опусе, пожалуй, даже усугубились: хор тихо ронял в зал грузинские слова — «Галоба-галоба-галоба...»; шелестели дорожки для Канчели имена ушедших друзей: «Гиви-Гиви-Гиви... Важа-Важа-Важа... Тито-Тито-Тито... Гого-Гого-Гого...»

Сам Канчели так высказался о принципе подбора слов-символов: «Я подбирал грузинские слова скорее по фоническому звучанию, а не по смыслу. Но когда выстроились отдельные блоки слов, оказалось, что они очень значимы. В тексте — названия шести грузинских церквей, имена, и в конце — несколько фраз по-английски из «Зимней сказки» Шекспира.

Лиризм и ясная мелодичность — сильные стороны Канчели. И даже вторжение в ткань STYX отголосков веселой песенки «Чит-огрито» из «Мимино» и заунывного брэнчания по типу «умца-ца» из «Кин-дза-дзы» не казалось избыточным. Найденные им

еще в ранних симфониях приемы резких тембровых и динамических сдвигов, апелляция к звуковому миру Закавказья, с протяжно-тоскливыми плачами дудуков, с благостным «ангельским» хором и повисающими в напряженной тишине туттийными аккордами, с каплей ясных и частых фонов — все это типично канчелиевские шутки были применены и в новом опусе, так что, как говорится, получили, что ожидали. Публике, впрочем, опус Канчели понравился — не последнюю роль сыграло и участие «звезд». Те из слушателей, что оказались самыми стойкими и не сбежали после второго отделения, поспешая к закрывающемуся метро, смогли вдоволь насладиться медитативной неспешностью протяженных канчелиевских раздумий о тшете бытия и неутомимости Вечности и тоской по потерянному миру.

Сочинение Канчели завершало концерт из трех отделений, но не исчерпывало его содержания. Потому что и Концерт для альты **Софии Губайдулиной**, прозвучавший в первом отделении, и трагическая Шестая симфония **Густава Малера** — пафосное и многословное, как роман Пруста, повествование о безнадежной и яростной схватке человека с судьбой (схватка длилась без малого полтора часа) встраивались в общий смысловой ряд, итог которому как раз подводило сочинение Канчели о мире мертвых и мире живых.

На общем депрессивном фоне

Альтового концерта особенно рельефно прорисовывались устремленные ввысь, но никнувшие в безнадежном изнеможении порывы солирующего инструмента, его мрачные трели и трагические речитативы. Альт Башмета в тот вечер звучал очень хорошо: темная, матовая, как старинное потемневшее дерево, окраска тембра, благородная пластичность произнесенной фразы выдавали мастера. Концерт Губайдулиной Башмет с Гергиевым исполняли не один раз — и наконец-то нашли равновесное согласие между оркестром и соло, при котором вся глубина и сосредоточенная экспрессия музыки Губайдулиной были ими отчетливо артикулированы.

После исполнения Шестой симфонии Малера, гигантского полотна, с множественными кульминациями финала, восхитительными соло гобоя, флейт, валторны (к чести духовиков Мариинского театра, практически все соло были исполнены безукоризненно), бряцаниями коровьих колокольчиков и отрешенно-прекрасной медленной частью, стало ясно: в рамках одной темы — «бытие и вечность» — Гергиев выстроил программу, в которой произошла встреча двух музыкально-исторических парадигм: уходящего малеровско-брукнеровского симфонизма и нового, гораздо более лаконичного направления, основные эстетические контуры которого обрели звуковую плоть в сочинениях Губайдулиной и Канчели. ■